

Т.Ю. СИДОРИНА

СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ И САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА*

Последствия глобализации обуславливают перемены в сфере труда и производства, растет неравенство, меняется качество рабочей силы. Бедность в этих условиях драматически возрастает и многократно фрагментируется. Поляризация рынка труда — одна из сторон текучей современности, как называет современную социальную ситуацию З. Бауман.

С переходом к практикам информационного общества, транснациональной экономике, значительная часть населения планеты в трудоспособном возрасте оказывается на грани потери работы и источников существования, и в этой значительной социальной группе формируются новые социальные отношения, возникают задачи, для решения которых требуются новые подходы, решения, сценарии [Сидорина 2016].

Ответом на вызовы современной эпохи могут стать практики социального активизма, самоорганизации. Социальное государство теряет свои позиции и в этих условиях гражданское общество может выступить в роли преемника «заботливого государства» в решении ряда проблем тех слоев населения, которые еще не готовы включиться в новые трудовые практики информационной эпохи.

Исследователей волнуют вопросы: насколько развит социальный активизм в местных сообществах? В какой степени практика малых дел и местных проектов достигает своей цели? Насколько реалистичными или, напротив, утопичными оказываются эти проекты? По каким причинам и основаниям это происходит? Может ли яркое, экспрессивное лидерство преодолеть сопротивление социальной инерции и апатии? А, с другой стороны, может ли подобное лидерство игнорировать объективный анализ социальной ситуации и не опираться на данные социальных наук?

Цель статьи — задать теоретические рамки дальнейшего разговора о перспективах социального активизма, самоорганизации граждан и их актуальности в условиях современного социума.

Новый общественный договор в условиях нового общества

Современное состояние науки и политическая действительность подтверждают тезис, что общественный договор не является лишь концептом

* Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 14–18–03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

теорий прошлых веков. В последние десятилетия зарубежные и отечественные экономисты, политологи, социальные теоретики предложили современные версии контракционизма, использующие модель общественного договора и связанные с ней концептуальные средства для нового осмысления проблематики социальной справедливости, демократии, прав человека, для переосмысления принципов современного общества и его институтов.¹

Теория общественного договора сыграла большую роль в формировании различных учений о правовом и демократическом государстве в период перехода к индустриальному обществу. Однако она не завершила своего существования и представляет интерес с переходом новым социальным и экономическим реалиям.

Почему теория общественного договора вызывает такой интерес у представителей разных областей общественности в России?

Во-первых, с момента начала экономических и социальных реформ Россия декларировала выбор демократического перехода.

Во-вторых, активно развивающаяся во второй половине XX в. теория институтов неизбежно затрагивает феномен (или социальный конструкт) общественного договора. Общественный договор как «система правил, механизмов, обеспечивающих их выполнение, и норм поведения» (по определению социального института Д. Норта [см. Норт 1997]) становится одним из определяющих в системе демократического общества, в условиях правового государства и гражданского общества.

В работах 2000-х годов немецкий социолог и политический философ, профессор Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики, автор концепций «рефлексивной модернизации» и «общества риска» Ульрих Бек ставит вопрос о новом общественном договоре.

В данном случае вектор интереса смещается от проблемы возникновения государства и взаимодействия государства и гражданского общества к организации самого гражданского общества в условиях кризиса модели государства, кризиса основных социальных институтов, кризиса политики благосостояния и *Welfare State*.

Один из центральных вопросов данной статьи, как меняется понимание концепта «общественный договор» в условиях вызовов современной эпохи?

Острота социальной ситуации

Перемены в сфере труда и производства кардинально трансформируют ситуацию на рынке труда, привычные схемы трудоустройства, образ жизни, экономическое поведение индивида, семьи, сообщества.

¹ См. работы: Дж. Ролза, Дж. Бьюкенена, Р. Нозика, А. Макинтайра, Д. Грея, Дж. Норта, Э. де Сото и др. Среди отечественных исследователей – А. А. Аузан, В. Н. Лексин, Р. М. Нуреев, Т. Ю. Сидорина, Г. А. Явлинский и др.

«В обществе глобального капитализма, — пишет Ульрих Бек, — все больше людей — тех, кто уже сейчас в засасывающей воронке ожесточенной конкуренции способностей считается "слабыми", "балансирующими на грани", "находящимися под угрозой" или "неполноценными". К ним относятся люди без среднего образования или с неважным аттестатом зрелости, больные или инвалиды, чьи деятельностные возможности (в основном технические) — низко оцениваются по сегодняшней шкале способностей. Всем им грозит попасть на наклонную плоскость и соскользнуть в круг тех, кто отбракован в соответствии с правилами допуска» [Бек 2001; Цит. по: Геополитика... 2006, с. 685].

Бедность в этих условиях драматически возрастает и многократно фрагментируется. Бек ссылается на З. Баумана, согласно которому, «общественные нити коммуникации между богатыми, которые глобализируются, и бедными, которые локализируются, вот-вот порвутся, поскольку между теми, кто выигрывает в результате глобализации в самом верхнем слое наверху, и теми, кто проигрывает в результате глобализации в самом нижнем слое внизу, уже более не существует никаких авторитетных инстанций, где можно было бы добиваться компенсации и справедливости» [Там же. с. 684—685].

В современном мире понятие бедность становится все более относительным. Этому способствует невероятное экономическое расслоение и изменение стандартов бедности в различных регионах мира.

«Глобальный капитализм обходится все меньшим количеством рабочей силы. — пишет Бек. — Что это значит? Растет число тех, кто выброшен с рынка труда и лишен шансов на материальную и социальную помощь, рабочие партии и профсоюзы «повсюду утрачивают свою роль на переговорах с властью и бизнесом, а также в глазах общественности» [Там же, с. 684].

В результате не только нарастает неравенство, но и драматически меняется качество социальных неравенств, поскольку все большие круги населения отбраковываются, как «экономически неактивные».

«Отбракованные» (как называет их У. Бек) — люди, живущие в обществе риска, сами ставшие людьми-риска в условиях этого общества. В отличие от пролетариата XIX — начала XX вв. в условиях современного общества они стремительно утрачивают влияние на ход событий, поскольку более не востребованы.

Не только появление «отбракованных», «экономически неактивных» свидетельствует об изменении качества неравенства в современном мире. Обращаясь к вопросу общественного порядка, У. Бек различает конститутивные и регулятивные принципы организации общественного порядка: «первые — это принципы, создающие большой диапазон поведенческих норм, вторые — регулирующие правила, нормы, сокращающие возможность выбора. Институты "рефлексивной современности" — преимущественно конститутивные, первой современности — преимущественно регулятивные» [Федотова, Федотова 2007, с. 440]. Анализируя позицию Бека, российские исследователи В. Г. Федотова и Н. Н. Федотова отмечают, что «в новой, "рефлексивной современности" преобладает неравенство не столько в форме эксплуатации, как в первой, сколько в форме игнорирования

властью и богатым слоем значительной части населения, для характеристики которой автор вводит термин "бразилизация", обращаясь к Бразилии как характерному примеру распространения подобных отношений» [Там же].

«С уходом среднего класса, ослаблением рабочего движения, появлением прекариата, — пишет Бек, — не остается никого, кто смог бы изменить к лучшему существующий порядок» [Бек 2001; Цит. по: Геополитика... 2006, с. 685].

На повестке дня вопрос нового социального порядка. Кто в современных условиях мог бы принять на себя ответственность за решение социальных проблем?

Состояние неопределенности. Поляризация рынка труда

Для описания нестабильности, присущей современному обществу и все более нарастающей в нем, З. Бауман предложил понятие — текущей современности [Бауман 2001, 2008].

В условиях нестабильности во всех сферах жизни человека и общества труд перестает быть гарантом социального равновесия, благополучия, перспектив существования человека и общества. Одна из ключевых причин нестабильности — изменение спектра востребованных профессий. Налицо все большая поляризация рынка труда, которая выносит на поверхность массы работников, не способных в краткосрочной перспективе освоить новые профессиональные требования, пройти переобучение, поменять жизненные установки, образ своего существования, понимание ситуации.

З. Бауман, У. Бек, Р. Райх, Дж. Стиглиц и другие крупные социальные мыслители задолго со современной ситуацией предупреждали о подобных перспективах в сфере труда, о неизбежном сокращении потребности в традиционных видах труда [См.: Райх 2012; Стиглиц 2016; Бек 2001; Бауман 2001 и др.].

Напомню, как позитивно были восприняты перспективы, намеченные Римским клубом, теоретиками постиндустриального общества — Д. Беллом и др., М. Кастельсом. Предположения, что в постиндустриальном информационном обществе изменится структура экономического развития, наиболее успешными станут иные неиндустриальные сферы экономики, вплоть до наступления эпохи когнитивного капитализма (А. Горц) [См.: Кастельс 2000; Горц 2010; Кинг, Шнайдер 1991].

Однако на всем этом лежал некий налет мечты, иллюзии, все это воспринималось как некая фантастическая перспектива, а сегодня мир лицом к лицу столкнулся с реальностью. Человек труда становится не нужным капиталу, причем все меньше востребованы не только традиционные для индустриального мира профессии, но и сервис, который во второй половине XX столетия рассматривался в качестве перспективной сферы трудоустройства и экономики.

Все более востребованными становятся узкие сегменты высокопрофессионального труда, все остальное постепенно заменяется достижениями автоматизации и робототехники.

Важно, что в прошлое уходят традиционные формы занятости и закреплявшие их устойчивые правовые рамки. Ситуация в сфере занятости. Перспектива овладеть набором современных *skills* доступна далеко не каждому. Что ждет представителей информационно неперспективных слоев населения, среди которых не только люди предпенсионного и пенсионного возраста, но и молодежь, которая далеко не всегда имеет возможность и/или способности к подобной перестройке, учитывая зачастую платный характер образовательных программ. Следует упомянуть и иные причины, которые препятствуют резкому изменению профессионального статуса в ближайшей перспективе: отсутствие образования, семейное положение, место проживания, состояние здоровья и пр. С развитием информационного общества в условиях технологического прогресса численность этих слоев общества непрерывно растет. Проблемы на рынке труда, сложности трудоустройства, перемена места работы и понижение статуса, сопровождаемое сокращением заработной платы неизбежно отражается на возможностях обеспечения социальных потребностей представителей разных слоев общества. Особенно острой проблема социального обеспечения становится в условиях ограничения социальных программ государства. В условиях экономического кризиса надежда на помощь «заботливого государства» становится все более призрачной.

Результатом становится вопрос не столько процветания, сколько выживания достаточно широких слоев как городского, так и сельского населения.

Welfare State или управляющее сообщество?

Проблема сокращения социальных расходов государства активно обсуждается с 1990-х годов в странах, проводивших политику благосостояния — так называемых *Welfare State*, государствах всеобщего благосостояния, переживших за время своего существования как периоды расцвета, так тяжелые годы упадка. Кризис государства всеобщего благосостояния обусловил необходимость пересмотра основных положений концепции и учета критических замечаний, высказывавшихся в ее адрес. Теория государства всеобщего благосостояния получила дальнейшее развитие, обратившись к исследованию деятельности организаций третьего сектора как дополнительного измерения модели государства благосостояния. В условиях сокращения социальных обязательств государства переосмысливается роль ключевых агентов социальной политики, в том числе возрастает интерес к деятельности институтов самоорганизации граждан, которые выступают в роли партнеров государства в формировании и осуществлении социальной политики и программ социального обеспечения.

Институты самоорганизации в помощь государству

На рубеже XX–XXI вв. вопрос об ослаблении *Welfare State*, необходимости сокращения социальных расходов, вплоть до демонтажа *Welfare State*, возникает

все чаще. В центре внимания вопрос об устойчивости государства всеобщего благосостояния [См.: Brown 1988; Mishra 1990; здесь и далее ссылки по работе: Stark 2006].

Значительную роль в понимании происходивших трансформаций сыграли работы американского политолога П. Пирсона «*Dismantling the Welfare State?*» [Pierson 1994], «*The New Politics of the Welfare State*» [Pierson 1996].

Какой бы устойчивостью, согласно П. Пирсону, не отличалось государство всеобщего благосостояния, кризисные трансформации последней трети XX столетия не прошли бесследно для этой модели общественного устройства, и в частности обусловили повышение интереса к деятельности институтов самоорганизации граждан, включая деятельность благотворительных организаций, фондов и частных благотворителей.

В 1980 – начале 1990-х годов активизируется интерес к вопросам гражданского общества, серьезное внимание привлекают работы его исследователей, например, американского исследователя Л. Саламона. «Возрастание интереса к частным некоммерческим организациям появилось прежде всего благодаря осязательному кризису современного "социального государства". – пишет Саламон. – Укрепилось мнение, что система защиты пожилых людей и безработных, создаваемая в большинстве западных стран с 1950-х годов, уже не действует. По меньшей мере это были четыре важных момента развития, опровергавшие идею социального государства: (1) нефтяной шок, который замедлил экономический рост, тем самым привлек внимание к тому, что расходы на социальное обеспечение необыкновенно выросли, (2) убежденность в том, что правительство перегружено и неспособно выполнять задачи, входящие в его сферу его компетенции, (3) политика социального государства постепенно создавала такое давление на постоянно повышающиеся цены за услуги, что превысило порог терпимости людей и те отказывались за них платить, (4) все чаще появлялись утверждения, что социальное государство вместо того, чтобы улучшать экономическую мощь (посредством защиты отдельных лиц от опасного риска), ослабляет инициативу, лишает людей личной ответственности и поддерживает их зависимость» [Саламон 2003, с. 39].

Социальное государство проявило свои негативные стороны и стало в какой-то мере само себе неприятелем. Улучшая жизненные условия, оно поддерживало в людях чувство ожиданий и растущее недовольство низким уровнем услуг, которые способно было им предоставить.

Дискредитация правительственных программ, сокращение бюджетов на социальные нужды привело к активизации других способов решения социальных проблем. Некоммерческие организации, негосударственные объединения выступили в качестве альтернативы государству как ведущему актору социальной политики, оказались способными предложить и обеспечить «самоопределение, ответственность за самого себя, свободу выбора, солидарность и участие в каждодневной жизни» [Flora 1986, цит. по: Саламон 2003, с. 39].

НКО как медиатор в системе «семья-государство-рынок»

Известный британский социальный исследователь Николас Роуз в 1996 г. опубликовал статью «Смерть социального? Пересмотр сферы управления» [*The death of the social? Re-figuring the territory of government*], в которой он обращается к вопросу об альтернативах государству всеобщего благосостояния в условиях кризиса самой модели *Welfare State*. Альтернативой государству благосостояния (и социальному государству в том понимании, которое придавалось этому понятию в XIX–XX вв.) Роузу видится феномен управляющего сообщества: «Сообщество стало новой формой управления: неоднородного, многочисленного, связывающего отдельные личности, семьи и всех остальных в соревнующееся культурное сообщество, состоящее из отдельных личностей и граждан» [Rose 1996, с. 327; см.: Институты... 2009, с. 15–16].

Прежде всего Роуз отмечает, что почти во всех развитых промышленных странах, от Швеции до Новой Зеландии, старая вера в «государство всеобщего благосостояния» (несмотря на свою устойчивость) подвергается критике, и в настоящее время концепции социального государства претерпевают изменения. Социальные перемены последних десятилетий предполагают приватизацию общественных благ и функций благосостояния, перевод медицинского обслуживания на частную основу, социальное страхование и пенсионное обеспечение, образовательные реформы, которые приводят к конкуренции между школами и колледжами, внедрение новых методов управления даже на уровне государства, новых договорных отношений между компаниями и их поставщиками и между специалистами и заказчиками, акцент на личной ответственности индивидов, их семей и объединений для их же собственного благополучия в будущем и принятии активных мер для его обеспечения.

Происходящие изменения влияют на то, что общество как объект в том значении, которое стали придавать ему в XIX в. (система обязательств и отношений между индивидами, система экономических, этических, политических событий внутри более или менее ограниченных территорий, регулируемых их собственными законами), претерпевает изменения [Ibid].

Государство всеобщего благосостояния было воплощением идеи социального. Кризис государства благосостояния предполагает пересмотр его основных атрибутов: социальное государство, социальное страхование, социальное обслуживание, социальные выплаты, социальная защита и др., бывших в течение длительного времени основами социального.

В условиях сокращения социальных обязательств государства значительно вырос интерес к деятельности институтов самоорганизации граждан. Для создания более полной системы благосостояния предлагается перейти от политики *Welfare State* к политике *Welfare mix*, в которой общественные организации задействованы наряду с государством, рынком и неформальной экономикой домашнего хозяйства. С этой точки зрения, третий сектор выступает как один из аспектов публичного пространства в гражданском обществе.

В последние годы в США усиливаться требования о необходимости замены «государства всеобщего благосостояния» так называемым «обществом

всеобщего благосостояния», которое предусматривает значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, призванных заниматься реализацией социальных услуг. Сторонники общества всеобщего благосостояния исходят из принципа «помоги себе сам», особое внимание они акцентируют на личной ответственности гражданина за свою собственную жизнь.

Модели поведения/выживания в условиях неопределенности: безусловный доход/иждивенчество и практики самоорганизации

Безусловный доход

В условиях сокращения социальных расходов государства, роста неопределенности, кризиса разных сфер жизни общества — значительная часть человечества находится перед перспективой потерять рабочее место, остаться без средств к существованию.

В недавнем прошлом исследователей волновал вопрос, что будет делать человечество, если не нужно будет работать. Сокращение потребности в рабочих руках представители философии техники связывали с успехами технического развития. Об этом в середине XX столетия писал французский персоналист Э. Мунье¹, к сокращению рабочего времени призывал анти-техник-революционер Ж. Эллюль [Эллюль 1986, с. 147–148]. Подобные перспективы рисовали писатели фантасты.

Однако в современных условиях этот вопрос, не утратив своей актуальности, обретает более тревожный характер. Что будет с той частью человечества, чей труд не будет востребован?

Французский социолог и экономист А. Горц предлагал введение пособия на существование. В его понимании оно должно не только помочь справиться с разнообразными паузами в трудовой занятости, но также дать людям формы самодетельности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях [Горц 2010, с. 38].

Возможным решением растущего уровня безработицы или одним из подходов к решению проблемы незанятости, угрожающей распространению бедности во всем мире, может стать введение безусловного дохода, гарантирующего необходимую для выживания сумму денег каждому гражданину, вне зависимости от его занятости.

Причины, по которым введение безусловного дохода активно обсуждается в политических кругах последние 20 лет, крайне различны.

¹ «До сих пор человечество жило в эпоху труда. Труд, даже если он вынужденный, является для большинства людей исключительно крепкой опорой, так что во время досуга они окажутся выбитыми из колеи, опустошенными. Вероятно, и мы уже это ощущаем, машина сможет положить конец эпохе труда: рано или поздно — какая разница — нам придется платить долги. Каждый, пусть даже в безотчетной тревоге, спрашивает себя: "Что мы будем делать, когда нам нечего будет делать?"» [Мунье 1999, с. 433].

Считается, что такие меры помогут решить проблему бедности, технологической безработицы и экономического неравенства. Гарантированный безусловный доход приведет к снижению затрат на администрирование социальных программ ввиду отсутствия необходимости в проверках пригодности и позволит людям заниматься любимым делом, игнорируя требования рынка.

В то же время отмечается, что введение безусловного дохода крайне труднореализуемо из-за политической ситуации и требует огромных расходов. Кроме того, желание обладать безусловным доходом может открыть новую волну миграции (о чем предупреждают представители консервативной Швейцарской народной партии).

Отметим, что это всего лишь ряд мер и возможных сценариев преодоления неопределенности и нестабильности в сфере занятости. Даже если учесть плюсы такой помощи в профессиональной переориентации, приобретении знаний и навыков, необходимых для трудоустройства в новых условиях, все-таки чаще всего это, скорее, меры пассивного участия. И, как показывает опыт истории, следствием подобных практик становится социальное иждивенчество (случай Спинхемленда (1795), патернализм социальной политики СССР, *Welfare State* во второй половине XX в.) [Сидорина 2005, 2013].

Институты самоорганизации граждан страхуют от социальных рисков.

Общественный оплаченный труд – основание нового общественного договора

Что же делать, когда мир стал неудержимо меняться, и прежние стереотипы не работают? Продолжать следовать сложившимся стереотипам или попытаться перестроить свою жизнь, формируя новый образ жизни? Ведутся переговоры о перемещении промышленных производств на места их исходного пребывания. В то же время идут процессы самоорганизации, распространяются практики солидаризма. В условиях, когда имидж политики заметно падает из-за неспособности государства влиять на экономические проблемы, ослабевает роль политических партий; все шире распространяется движение политически активных граждан.

В европейских странах развиваются новые общественные объединения, основывающиеся на совместном ведении домашнего хозяйства и других видах кооперации. Фактически возрождаются ценности небольших сообществ на фоне развивающегося интернационализма и глобализации. В таких сообществах человек чувствует себя более нужным и значимым, нежели в государстве. Так тенденции к антинеолиберализму могут стать ключевым фактором в решении проблемы бедности и других социальных пороков. Подобные сообщества в идеале стремятся к воссозданию древнегреческого полиса [Montanari 2016].

Практики гражданского общества как возможности преодоления последствий перехода к постиндустриальному труду в конце XX в. рассматривает и У. Бек [Бек 2001, с. 266]. Социальный теоретик обращает внимание на перспективы общественного оплачиваемого труда как проявление гражданской инициативы. В этом ключе Бек пишет о необходимости создания системы

новых гарантий; укреплении социальных сетей самоснабжения и самоорганизации [Бек 2001, с. 243–245, 246].

Что же касается общественного оплачиваемого труда, то согласно У. Беку – это основание нового общественного договора: «Новый общественный договор должен был бы исходить из следующего: наш труд стал таким производительным, что его требуется все меньше, чтобы производить все больше товаров и услуг. Материально-социальная интеграция людей через наемный труд, конечно, как и прежде, имеет значение, но это уже не единственная форма» [Там же, с. 243].

Бек предлагает задуматься над тем, нельзя ли повысить престиж того, что проявляется повсюду как «ангажированность гражданского общества в социобиотопах общества – как способность к самоорганизации, как интерес к политическим проектам, выпадающим из поля зрения институтов, – чтобы помимо наемного труда возник второй центр активности и интеграции: *общественная работа, гражданский труд*» [Там же].

Так, Бек ставит вопрос о необходимости самоорганизации гражданского общества, о способности к самоорганизации, которая неизбежно требует проявления социального активизма.

Какую же работу социальный мыслитель рассматривает в качестве гражданского труда и почему этот труд может стать основой нового общественного договора? «Работа по уходу за престарелыми, инвалидами, бездомными, больными СПИДом, работа с неграмотными, с изгоями общества, участие в природоохранных акциях и многое другое, – пишет Бек, – все это осуществлялось до сих пор на общественных началах; надо сделать эту работу "видимой" экономически, т.е. оплачивать (например, в форме *гражданского пособия*, размеры которого примерно соответствуют социальному пособию). Общественная работа могла бы сделать города обитаемыми, прилагаемую энергию – эффективнее используемой, демократию – живее» [Там же, с. 243]. «Общественную работу нужно организовать в такой форме, чтобы она не оказывалась простым отстойником для безработных: она должна быть привлекательной для всех <...> Речь идет не о том, чтобы заменить этим наемный труд, но о том, чтобы дополнить его» [Там же, с. 244].

Интересно, что во введении общественных инициатив, гражданского труда Бек видит способ заинтересовать молодежь. Учитывая, что НКО берутся сегодня за самые разные сферы деятельности, обращаются к решению задач, которые по многим причинам недоступны даже городским органам управления, НКО имеют возможность обратиться к решению самых частных задач, привлекают волонтеров, небезразличных к нуждам ближайшего окружения. Одна из проблем современного общества – воспитание молодежи, участие в гражданском труде – один из путей воспитания гражданской ответственности, сострадания, взаимопомощи. «Гражданская работа стала бы, в конце концов, возможно, одной из трех опор – наряду с трудом по найму, служащим основной экономической гарантией, и частной работой, – на которых стоит воспитание и/или самореализация. – пишет Бек. – Гражданская работа

не обязательно должна встраиваться в национально-государственные рамки и могла бы поддерживать и обогащать транснациональное гражданское общество, его сети и социальные движения. Такие занятия – как в "Гринписе" или "Эмнести интернешнл" – привлекательны для молодежи» [Бек 2001, с. 244].

Итак, налицо, – продолжает Бек, – «два принципа – *добровольность*, или *самоорганизация*, а также *общественное финансирование*, – которые могли бы сделать из гражданской работы привлекательную альтернативу» [Там же, с. 244–245].

Проблема финансирования общественных работ

Бек ставит вопрос: откуда взять деньги? Гражданский труд не должен и не может решить все финансовые проблемы, компенсировать сложности ресурсного обеспечения, если речь идет о новом общественном договоре. Как и во времена Т. Гоббса, новый общественный договор предполагает участие всего общества в решении острых социальных проблем. Общественный договор не становится договором отверженных – это договор в рамках всего социума.

Так, согласно Беку, нельзя снимать со счетов возможность налоговых льгот, благотворительных союзов, различных немонетарных источников [Там же, с. 245].

Для всего этого необходимо политическое понимание, способное преодолеть монополию на политику, которой обладает государственная система: «Надо найти и правильно уравновесить новое разделение власти и труда, например, между государственной системной политикой и (транс)локальным гражданским обществом. Укреплять гражданские общества, перешагивая границы, не означает взваливать на них с помощью коммунитаристской демагогии все нерешенные побочные проблемы бюрократической волокиты. Укрепление гражданских обществ означает, что за возросшей самоответственностью следует перемещение власти от центра в регионы, в города; одновременно гражданские инициативы благодаря гражданскому пособию делаются самостоятельными в материальном отношении и становятся дееспособными» [Там же].

В этом ключе Бек пишет о необходимости создания системы новых гарантий; укреплении социальных сетей самоснабжения и самоорганизации; выдвижении и постоянной актуализации вопросов экономической и социальной справедливости в мировом масштабе в центрах глобального гражданского общества [Там же, с. 266].

Заключение

Итак, серьезные перемены, которые переживает современное общество, требуют кардинальных решений, поиска новых форм организации жизни общества, нового образа жизни. Нестабильность в труде и занятости, в социальной защищенности неизбежно инициирует человека на поиск необходимых решений.

Традиционные профессии уходят в прошлое, под вопросом надежность сферы услуг как сегмента рынка труда. Жизнь диктует свои правила и требует встраиваться в сложившуюся ситуацию, какой бы текучей она ни была. С одной стороны, современный работник стоит перед задачей освоения широкого спектра профессиональных требований, с другой, – все более востребованными становятся качества человека как гражданина, понимание необходимости перестройки в рамках сообщества, солидарности, объединения усилий для решения возникающих социальных и экономических проблем.

Выигрывают те, кто способен адаптироваться к меняющейся современности, кто способен настроить свои способности, таланты на волну новых требований, способен стать креативным, создавать новое, востребованное современностью.

Надежды на патернализм и заботливость государства не выдерживают вызовов современной ситуации. Вопрос индивидуального/группового участия граждан в решении социальных проблем уже давно на повестке дня. Вопрос общественного договора перестает быть вопросом необходимости образования государства как социального гаранта. Общественный договор становится атрибутом гражданского общества, концепцией выживания в условиях социальной и экономической нестабильности. Общественный договор становится условием консолидации гражданских сил, проявления социального активизма, лидерства, самоорганизации.

Список источников:

Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Изд-во «Логос», 2002. [Bauman Z. The Individualized Society. – Cambridge: Polity, 2001].

Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. [Bauman Z. Liquid Modernity – Cambridge: Polity, 2000].

Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Геополитика: Антология / Сост. Н. Н. Ашенкамф, С. В. Погорельская. – М.: Академический проект, 2006.

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. – М.: НИУ ВШЭ, 2010.

Институты самоорганизации и качество жизни населения: Отчет о НИР / Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. – М.: ГУ Высшая школа экономики, 2009.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана – М.: ГУ Высш. шк. экономики, 2000.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. / Доклад Римского клуба: Пер. с англ. – М.: «Прогресс», 1991.

Мунье Э. Обвинение машины // Мунье Э. Манифест персонализма. – М.: Республика, 1999.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Перевод на русский язык: А. Н. Нестеренко. — М.: 1997.

Пискунов В. В. Концепт общественного договора: Автореф... дис. канд. философ. н. — М.: РГГУ, 2005.

Райх Р. Б. Послешок: Экономика будущего. — М.: Карьера Пресс, 2012.

Саламон Л. Глобальная революция в процессе объединения // Хрестоматия для некоммерческих организаций. — Братислава, 2003.

Сидорина Т. Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. — М.: РГГУ, 2013.

Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. — М.: РГГУ, 2005.

Сидорина Т. Ю. Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития. // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 22–33.

Стиглиц Дж. Великое разделение — Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения?. — М.: Эксмо, 2016.

Федотова В. Г., Федотова Н. Н. Вторая Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Послесловие // Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. — М.: Новая всемирно-политическая экономия., 2007. С. 433–460.

Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. — М.: 1986.

Brown M. K. (ed.) Remaking the Welfare State: Retrenchment and Social Policy in America and Europe — Philadelphia: Temple University Press, 1988.

Flora P. Introduction // Growth to Limits: The Western European Welfare States since World War II. Vol. 1 / Ed. Peter Flora. — Berlin: Walter de-Gruyter, 1986.

Mishra R. The Welfare State in Capitalist Society: Policies of Retrenchment and Maintenance in Europe, North America and Australia. — New York: Harvester Wheatsheaf, 1990.

Montanari A. New forms of solidarity and communalism // Third ISA Forum of Sociology, 2016.

Pierson P. Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher and the Politics of Retrenchment. — Cambridge: University Press, 1994.

Pierson P. The New Politics of the Welfare State // World Politics. 1996. Vol. 48, No. 2. Pp. 143–179.

Rose N. The Death of the Social? Re-figuring the Territory of Government // Economy and Society. 1996. Vol. 25. No 3. Pp. 327–356.

Stark P. The Politics of Welfare State Retrenchment: A Literature Review // Social Policy & Social Administration. February 2006. Vol. 40. No 1. Pp.104–120